

Хайдар БЕДРЕТДИНОВ

«Совет ветвей, совет ветров, совет весенних комиссаров...»

Один день на родине Николая Асеева

По заданию Московской городской организации Союза писателей России два поэта, два офицера запаса — Александр Вырвич и я — отправились в командировку в небольшой городок Льгов Курской области. Мы выступили в двух школах с лекциями о роли и месте современной литературы в формировании нравственности и патриотизма молодёжи. В благодарность для нас были организованы замечательные экскурсии в краеведческий музей города и в мемориальные музеи двух знаменитых литераторов — уроженцев города Льгова: Николая Асеева и Аркадия Гайдара.

С творчеством Асеева я познакомился ещё в юности. Некоторые певучие его стихотворения положил на музыку и пел своей любимой под гитару:

Я не могу без тебя жить!
Мне без тебя и в дожди — сушь,
Мне без тебя и в жару — стыть,
Мне без тебя и Москва — глушь...

Или:

Ты моешь посуду,
Ты чинишь бельё,
Какое ты чудо,
Виденье моё!

А вот биографию Асеева я не знал. Дед его, оказывается, был из дворян, страстный охотник, фантазёр и мастер рассказывать сказки и, разумеется, охотничьи байки. Он влюбился в крепостную девушку, выкупил её и женился. Как вспоминал позже о своей бабушке Николай Асеев, она была весёлой по нраву — певуньей и плясуньей. Мать поэта рано умерла, а отец часто бывал в разъездах по службе. Николая воспитывали бабушка и дедушка, и именно им он обязан своим творческим складом, напевностью стихотворений, чистым народным языком.

У Асеева рано проявился дар поэта. Знаменательными для юноши стали знакомства с молодыми начинающими поэтами — Пастернаком и Маяковским. Ещё до революции Асеев выпустил четыре сборника своих стихотворений, они были написаны под сильным влиянием символистов, с которыми он сошёлся в ту пору. Затем, благодаря Маяковскому, примкнул к футуристам, но, слава Богу, позднее обрёл свой собственный природный поэтический голос, наследованный от настоящей русской классической поэзии, разумеется, со звучанием уже его времени, его поэтической эпохи. Так же сумели найти себя и тем остаться высочайшими образцами в русской поэзии Блок и Есенин, которые тоже прошли через пути всевозможных коверкателей-разрушителей русского литературного языка, предлагавших даже Пушкина сбросить с корабля истории.

В те предреволюционные годы, как бы не ощущая пульса своего бурного времени, эти экспериментаторы от искусства сели настроение ухода в себя, в свой мирок, в мистику. Советское литературоведение определило их словом «декадентство», что означает упадничество, призывающее к уходу от действительности, а то и из самой жизни. Недаром тогда среди молодёжи катастрофически возросло число самоубийств, что даже царское правительство, обеспокоенное этим обстоятельством, предприняло определённые шаги. О том периоде хорошо сказал А. Толстой: «То было время, когда любовь, чувства добрые и здоровые считались пошлостью

и пережитком... Девушки скрывали свою невинность, супруги — верность. Разрушение считалось хорошим вкусом, невращение — признаком утончённости».

Позже Советская власть сумела отменить эту мерзость, перестав публиковать их непотребство, хотя порой и талантливое, но развращающее, и дала дорогу литературе, людям со здоровой психикой и нормальной ориентацией, благодаря чему поэзия вернулась к традициям крепкой русской классической лирики, понятной и близкой простым людям.

В 1915 году Николай Асеев был призван в царскую армию и участвовал в Первой мировой войне. В феврале 1917-го Временное правительство перебросило их взбунтовавшийся полк, не желавший снова идти на фронт, на Дальний Восток, который вскоре был захвачен японцами. Здесь Асеев познакомился с революционером Сергеем Лазо, тот вскоре погиб страшной смертью от рук японских захватчиков. В тяжёлых условиях поэт выпустил сборник «Бомба», но тираж почти полностью был уничтожен японскими оккупантами. Маяковский, которому поэт успел послать экземпляр, писал: «Твоя "Бомба" взорвала меня!». Высокая оценка от ставшего к тому времени первым поэтом республики Маяковского! После установления советской власти и создания Дальневосточной советской республики Николай Асеев издал там сборник «Совет ветров». Нарком просвещения Луначарский, культурнейший человек своего времени, был так впечатлён, что написал восхищённое письмо на другой конец страны молодому и малоизвестному поэту, а затем организовал его переезд в Москву.

В столице Асеев снова сблизился с Маяковским и в течение нескольких лет ездил с ним по стране с поэтическими выступлениями, воспевающими нового человека, новые отношения между людьми труда и гордость за свою стремительно развивающуюся страну. Маяковский высоко ценил творчество младшего соратника по перу и в стихотворении, где утверждал, «что поэтов должно быть много хороших и разных», отмечал: «А ещё есть Колька Асеев. Хватка у него — моя...». Маяковский помогал Асееву в издании сборников и пропаганде его творчества. После смерти старшего товарища-наставника Асеев посвятил ему поэму «Маяковский начинается».

Асееву шли сотни и тысячи писем со всех концов Советского Союза с благодарностью за его проникновенные стихи, умевшие выразить, что у многих на душе. Их песенный склад легко проникал в сердца простых людей. Не нужно специально уподобляться, чтобы понимать и чувствовать настоящее искусство. Оно должно трогать наши души и обогащать нас знаниями и чувствами. Если тот или иной поэт или художник говорит, что мы не доросли до его квадратных или круглых выкрутасов, значит перед нами шарлатан от искусства. Конечно, настоящий художник кисти или слова является одновременно и философом, и если мы зна-

счетов имён, а может быть и под сто. А вот из сборника Николая Асеева я выписал тогда пять стихотворений. Произведения Дмитрия Ковалёва, автора тонких любовных стихов, чьё творчество тоже связано со Льговом, я также нашёл в своём юношеском альбоме.

Поэзия Николая Асеева при всей лиричности изложения всегда оставалась гражданской и патриотичной, она вселяла оптимизм в любые тяжёлые годы, поддерживая людей и давая надежду на преодоление трудностей и веру в реальное светлое будущее.

Совет ветвей, совет ветров,
совет весенних комиссаров
в земное чёрное нутро
ударил огненным кресалом.

Губами спеклыми поля
хлебнули яростной отравы,
завив в пружины тополя,
закучерявив в кольца травы.

И разом ринулась земля,
расправив пламенную гриву,
грозить, сиять и изумлять
не веривших такому взрыву.

И каждый ветренный посыл
за каждым новым взмахом грома
летел, ломал, срывал, косил —
что лёд зальдил, что скрыла дрёма.

И каждый падавший удар
был в эхе взвит неумолканном:
то — гор горячая руда
по глоткам хлынула вулканным.

И зазмеился шар земной
во тьме миров — зарёй прорытой.
«Сквозь ночь — со мной,
сквозь мир — за мной!» —
был крик живой метеорита.

И это случилось на земле,
и это сделала страна та,
в которой древний разум лет
взмела гремящая граната.

Пускай не слышим, как летим,
но если сердце заплесало, —
совет весны неотвратим:
ударит красное кресало!

комы с теми или иными философскими направлениями, то глубже прочувствуем и само произведение. Так, например, романы Толстого и Достоевского пронизаны евангельскими нравственными ценностями, творчество Горького основано на идеях Ницше...

За свою жизнь Николай Асеев выпустил около 80 сборников стихотворений, среди них много переводов поэтов из союзных республик, благодаря чему мы познакомились с их творчеством и узнали их достойные всесоюзной славы имена. Он много времени уделял молодым авторам, одна из книг Асеева написана специально в помощь им. Работал во многих литературных комиссиях.

Во времена моей юности поэзия была в почёте. Я часто ходил на творческие встречи с мастерами слова, которых было много. В каждой районной библиотеке, во дворцах культуры, в заводских клубах, в литературных музеях проходили такие встречи. Если ориентироваться на недавний фильм по роману Аксёнова, то получается, что кроме этой божественной четвёрки шестидесятых годов и поэтов-то больше в стране не было. Но это не так. Многотысячными тиражами выходили сборники самых разных поэтов и продавались недорого: маленькие книги «Избранной лирики», а также приложения к журналу «Огонёк» — по три копейки, это в то время цена трамвайного билета. Тогда я лично познакомился со многими замечательными поэтами-современниками. У меня до сих пор хранится подборка тех трёхкопеечных сборников и тех, что были подороже тоже — несколько сотен.

В те молодые годы, пронизанные поэзией, я записывал в альбом по одному понравившемуся стихотворению каждого автора, книгу которого прочитал. На днях листал эти альбомы — там несколько де-